

ИСЛАМИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (философско-политологический анализ)

*Еркин Байдаров**

В эпоху глобализации и в условиях усиленного поиска национальной идентичности и духовного возрождения государств Центральной Азии на культурно-цивилизационном пространстве региона происходит переосмысление своего религиозного и философского наследия, которое непосредственно связано с духовной и интеллектуальной традицией. Во многом это обусловлено ростом нетрадиционных религиозных идеологических программ в Центральной Азии, которые все более вытесняют на периферию традиционные системы ценностей, характерные для коренных народов региона. Существующие тенденции, к сожалению, ведут к росту радикальных религиозных сетей, которые главным образом приходят в Центральноазиатский регион извне.

Процесс усиления влияния ислама в различных сферах государственной политики и социальной жизни, а также процесс увеличения количества исповедующих ислам в том или ином определённом регионе или стране получили в общественно-гуманитарном научном сообществе название *исламизации*.

* Ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат философских наук.

Исламизация как тенденция делится на два аспекта: распространение ее *как религии* и распространение *как теократической тенденции*. Это связано с тем, что особенностью демографических процессов последних десятилетий стал быстрый рост численности мусульман по всему миру. Сегодня ислам является самой быстрорастущей по числу приверженцев мировой религией, и, согласно имеющимся прогнозам, к 2030г. мусульман на Земле будет не менее двух миллиардов при численности населения 8 миллиардов, т.е. четверть всего населения.

С крушением советского режима и обретением независимости республиками Центральной Азии регион стал пристальным объектом изучения со стороны исламских государств, а также полем деятельности различных исламистских религиозных течений, став важным геополитическим центром для всех исламских стран, частью грандиозного по масштабам плана – создания Всемирного Исламского Халифата.

Одним из факторов, предопределивших роль Центральноазиатского региона как важнейшего центра в мировой исламистской стратегии и создания благодатной почвы для масштабной экспансии различных исламистских взглядов среди населения, стало то, что регион исторически являлся связующим звеном между центрами исламской цивилизации Ближнего Востока и мусульманским населением России (Татарстана, Южной Сибири, Поволжья, Кавказа и Закавказья), Западного Китая (СУАР) и Северной Индии (Кашмир и Бангладеш).

Общая площадь региона составляет 4 млн. кв. км, население – более 60 млн. человек. Этнический «калейдоскоп» региона составляют более 130 различных народов и этнических групп. Центральная Азия граничит с Афганистаном (2 087 км), Ираном (992 км), Китаем (2 805 км), Россией (6 846 км) и является единственным регионом мира, где смыкаются все четыре мировые религии – христианство, ислам, конфуцианство, буддизм.

Бухара, Самарканд, Хива, Термез, крупные города Ферганской долины (состоящей из территорий сопредельных государств – Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) – Коканд, Наманган, Фергана, Андижан, Худжанд и Ош, а также южные города Казахстана – Шымкент, Туркестан, Тараз – были в свое время духовными центрами мусульманской культуры в Центральной Азии: именно в них располагались основные учебные центры религиозного управления. Они издавна славились как крупные и независимые от официальных властей теологические центры. И неслучайно многие радикальные силы ставят целью создание на территории Центральной Азии исламского государства, с ядром в Ферганской долине, которое, по замыслу, должно стать частью Всемирного Исламского Халифата.

Как видим, совокупность определенных исторических, геополитических, экономических, социально-культурных факторов во многом объясняют подверженность и уязвимость государств Центральной Азии перед угрозой религиозного экстремизма. Тем более что советский тоталитарный режим не смог полностью разрушить учреждения ислама, он загнал религиозное течение в глубокое подполье, но не уничтожил его. С исчезновением же советской идеологии в регионе и обретением центральноазиатскими государствами независимости образовался идейный вакуум, и ислам, оказавшись востребованным, вышел из подполья. Исламские идеи стали быстро распространяться в обществе, и, как следствие, политизация религии дала старт активизации воинствующих религиозных течений.

Коренное население Центральной Азии в большинстве своем исповедует умеренный ханафитский мазхаб – одно из традиционных течений суннизма. Представителями шиитского течения являются персы и курды, небольшое число которых проживает на территории Туркменистана, а также в Бухарском регионе Узбекистана. В Горно-

Бадахшанской области Таджикистана среди населения распространение получил исмаилизм.

Однако различный уровень религиозности населения государств Центральной Азии, а также степень воздействия ислама на внутреннюю политику не позволяет говорить о развитой системе религиозной солидарности в регионе. Следует отметить, что в регионе существуют и препятствия на пути распространения радикальных форм ислама. По мнению Г.Тазмини (Кентский университет, Великобритания), такими факторами являются: во-первых, что 98% мусульман Центральной Азии – сунниты, что ограничивает влияние исламских радикалов Ирана; во-вторых, в регионе возрождается суфизм – одно из наиболее толерантных течений в исламе, впитавшее в себя как догматы буддизма, шаманизма, христианства и отрицающее политическое использование веры; и, в-третьих, для многих ислам – лишь культурная традиция, для других – инструмент изменения политической системы [1, с. 43].

После десятилетий тихого удушения исламской политико-правовой практики и интеллектуальной мысли царской властью, а также яростного уничтожения последних властью советской, ислам в регионе вдруг, – как отмечает в статье по поводу глобализации сознания северокавказских мусульман Р.Курбанов, – совершенно неожиданно для властей, взорвался невероятной активизацией по всем направлениям и привел к так называемому, исламскому возрождению¹.

Причины этому, на наш взгляд, следует искать в том, что сегодняшние «застывшие» трактовки ислама находятся в глубочайшем кризисе. Они оказались не способны предложить обществу ни одной жизнеспособной программы решения социальных, экономических, национальных, политических или хотя бы культурно-нравственных проблем, стоящих сегодня перед исламским обществом

¹ Курбанов Р., Глобализация сознания северокавказских мусульман: исламский призыв и джихад. <http://www.central-eurasia.com/top/islamology/2/?uid=173>.

«Официальный ислам» постепенно скатывается к полной стагнации, застою и вырождению. А в это время молодежь, разочаровавшаяся в официальном духовенстве и его интерпретации ислама, в поисках свежей мысли и возможности приложить свои горящие сердца, пополняет ряды протестных движений и группировок. Подрастающее поколение ищет в исламе свежести, гибкости, чистоты, хочет преодолеть узкие рамки своего бытия и расширить границы собственного исламского сознания до международного уровня. Именно по этим причинам молодежь все больше обращается не к местным имамам и духовным лидерам, а к мировым признанным авторитетам, ищет выхода на межнациональный, планетарный уровень.

Все это вместе взятое ведет к тому, что представители обновленческих версий стремительно занимают нишу защитников и выразителей интересов бедных и социально-незащищенных слоев населения. В отличие от «традиционных» версий ислама, замыкающихся в узких границах своих общин и ревностно относящихся к контактам с другими исламскими течениями, обновленцам в большей степени присущ призыв к единению со всей исламской уммой, объединению усилий всего исламского мира по духовно-нравственному, экономическому и политическому возрождению. Тем самым обновленческий ислам открывает своим адептам доступ к наследию всемирного исламского общества и вовлекает их в процессы мирового масштаба.

С другой стороны, одной из причин исламизации Центральной Азии и роста фундаменталистских настроений, является то, что в ряде стран региона не реализованы экономические реформы, экономические проблемы в большинстве своем заморожены, а путей выхода из этого состояния пока не найдено. При этом основными причинами по-прежнему являются неэффективное управление, отсутствие экономической программы, недостаток ресурсов, коррупция, парализующая управляемость.

К другим внутренним факторам исламизации Центральной Азии можно также отнести:

1. Бедность значительной массы населения региона и безработицу, что создает почву для распространения радикальных идей;
2. Концентрацию политической власти в руках региональных элит и репрессии по отношению к оппозиции, что увеличивает уровень политической напряженности и опасность появления радикальных происламски настроенных политических сил;
3. Отсутствие «социальных лифтов» для молодежи, что создает нездоровую атмосферу социальных взаимоотношений в обществе¹;
4. Региональный сепаратизм и, как следствие, потеря контроля над собственной территорией (*Кыргызстан, Таджикистан*).

Эти моменты во многом свидетельствуют о том, что мобилизационный потенциал ислама в обществе весьма высок, что подтверждается, например, активной деятельностью исламских политических орга-

¹ Как заявил на состоявшейся в ноябре 2012г. в Астане на первой ежегодной международной конференции Казахстанского союза юристов и союза криминалистов заместитель генерального прокурора Республики Казахстан Йоган Меркель: «Говоря о текущей религиозной ситуации в стране, мы отмечаем устойчивую тенденцию к радикализации населения – роста количества групп нетрадиционной религиозной направленности. Практика показывает, что именно их представители склонны к совершению актов терроризма. Их ряды пополняются за счет малообеспеченных, неустроенной в социальном отношении молодежи, людей, не имеющих достаточных познаний в области религии и основах традиционного ислама».

Заместитель генерального прокурора привел статистику последних нескольких лет по задержанным за терроризм. По этим данным, в прокуратуре составили примерный портрет современного казахстанского террориста. «Кто такой сегодня казахстанский террорист? Хотел бы ответить на этот вопрос со ссылкой на нашу статистику. Почти 60% осужденных террористов – это лица в возрасте до 29 лет. Другими словами, это представители молодежи. Практически все, а если быть точнее, 95% – безработные. Таким образом, вырисовывается собирательный портрет террориста в Казахстане – это молодые люди, пытающиеся найти место в жизни, чаще всего безработные и не имеющие образования и каких-то дальнейших перспектив», http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/genprokuratura-sostavila-sovremennyiy-portret-kazhstanskogo-terrorista--223891/. Дата доступа: 19.04.2013.

Данный тезис высокопоставленного государственного чиновника можно применить и к «портрету» террористов из числа исламских радикальных организаций государств Центральной Азии, большинство которых представляет безработная молодежь.

низаций и приводит к тому, что исламские организации, основанные именно на «идее», становятся довольно, заметны в обществе.

На фоне скрытой раздробленности центральноазиатских властных элит, а также низкой активности светской оппозиции наблюдается тенденция утверждения радикального религиозного идеализма в качестве возможного противовеса авторитарным режимам стран региона. Как следствие, происходит консолидация наиболее активных противников власти именно на базе противопоставления существующей политической системе теократических устоев общества, что может породить широкую поддержку населения Центральной Азии.

Наличие серьезных социально-экономических проблем, а также расширения его социального ареала во многом является фактором усиления ислама в регионе и перехода к форме политических требований. Это уже характерно для *Узбекистана* и *Таджикистана* и уже начинает проявляться в *Казахстане* и *Кыргызстане*, где ислам стал все шире использоваться для выражения протестных настроений. Поэтому, безусловно, требуется как решение острых социально-политических проблем, так и принятие мер по стимулированию развития гражданского общества в сторону его светской модели, так как исламская доктрина сегодня превратилась в одну из основных на пространствах региона, и игнорировать ее попросту не возможно.

Стоит отметить, что в процессах глобализации исламизация Центральной Азии на основе фундаменталистской версии исламского возрождения имеет определенное сходство с марксизмом как теорией и коммунизмом как практикой. Сходство и в притязаниях на абсолютную истину, исключая многообразие мнений, в готовности проводить во всем мире свои идеи силой оружия, в идеологически мотивированном терроре и в отказе от реформ, призывах к насильственному свержению власти.

В исламской палитре Центральноазиатского региона сегодня имеются многие радикальные исламские движения и группы, которых официальные власти не признают в качестве политических и оппозиционных партий. Рамки статьи не позволяют описать их всех с должной полнотой, но на самых известных мы бы хотели остановиться, тем более что в последнее время в странах региона развернулись острые дискуссии в отношении ряда из них.

Первые исламские политические организации радикального толка, в становлении которых немалую роль сыграли внешние силы, стали появляться в Центральной Азии еще в начале 1990-х гг. («Адолат», «Ислам лашкарлари» в Узбекистане, Партия исламского возрождения в Таджикистане). Эти организации содействовали процессу реисламизации, затронувшему, в первую очередь, Узбекистан, а также Таджикистан. Пропаганде идей радикального ислама активно помогали прибывавшие в города Ферганской долины зарубежные миссионеры, прежде всего саудовские граждане узбекского происхождения, потомки тех повстанцев, которых в советской историографии называли «басмачами».

В результате этих контактов произошло изменение не только характера функционирования этих центров, но и их идеологии. Из школ традиционного, хотя и подпольного, исламского образования они все быстрее превращались в самостоятельные религиозные центры радикального толка (ваххабитского), в программу которых, кроме обучения, входила пропаганда собственных социальных и политических взглядов, с требованием провозглашения ислама государственной религией и идеологией.

Так, в Узбекистане радикальные исламисты предприняли попытки стать одной из ведущих политических сил и даже сумели установить фактический контроль над несколькими городами Ферганской долины. Их деятельность была пресечена активными действиями пра-

вительства, и исламисты оказались загнанными в подполье. В 1996г. они создали *Исламское движение Узбекистана* (ИДУ), поставившее задачу вооруженным путем осуществить свержение существующего светского режима и построить в стране исламское государство. Политическим руководителем движения стал Тахир Юлдашев, руководителем военного звена – Джума Ходжиев (Намангани).

В его состав вошли бывшие активисты целого ряда исламистских организаций Узбекистана, деятельность которых была запрещена президентом страны Исламом Каримовым в 1992-93гг. Главной целью движения было провозглашено создание исламского государства на территории сначала Ферганской долины, а затем по всей Центральной Азии, включая Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (СУАР), где проживают уйгуры.

В начале 2000-х гг. ИДУ сменила название на «Исламское движение Туркестана». После смерти Юлдашева в 2009г. ИДУ возглавил Усман Адил, однако в конце января 2012 года появилась информация о его уничтожении на территории Афганистана. Впоследствии эта информация оказалась ложной, но уже в апреле Адил погиб на территории Пакистана в результате удара американского беспилотника. В августе 2012г. ИДУ признало гибель Усмана Адила, тогда же было объявлено, что новым лидером ИДУ стал Усман Гази¹.

С начала 1990-х гг. в регионе начала действовать еще одна организация, явившаяся филиалом транснациональной партии, *Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами* (Исламская партия возрождения), созданная в 1953г. в Иерусалиме судьей шариатского апелляционного суда Такиуддином ан-Набхани. Она ставила в качестве главной задачи создание исламского халифата. При этом партия декларировала свою приверженность – на данном этапе – мирным, политическим методам борьбы

¹ <http://www.fergananews.com/news/19215>. Дата доступа: 10.02.2013.

и сосредоточила внимание на пропаганде своих идей и создании разветвленной организационной инфраструктуры. В первой половине 1990-х ХТИ не пользовалась поддержкой сколь либо значительной части населения центральноазиатских республик, но постепенно ей удалось вовлечь в свои ряды новых сторонников из других центральноазиатских республик.

«Хизб ут-Тахрир» провозглашает себя «политической партией, идеологией которой является ислам». Цель партии – содействовать возвращению мусульман к исламскому образу жизни («все стороны жизни должны основываться на нормах шариата») и распространению исламской веры в мире путем джихада. При этом декларируется, что реализация этой цели возможна лишь путем воссоздания единого (объединяющего весь исламский мир) теократического государства – халифата.

В документах «Хизб ут-Тахрир» правительства мусульманских стран характеризуются как неисламские, а причиной всех сегодняшних проблем мусульманской уммы объявляется *«отсутствие ислама в ее повседневной жизни»*, в том числе *«отсутствие исламской системы правления»*. Согласно тем же источникам, название партии подчеркивает стремление ее членов достичь «полного освобождения от господства неверных, которые господствуют сегодня во всех уголках мира».

Предполагается, что борьба за реализацию поставленных целей будет включать три стадии, на первой из которых формируется партийное ядро, «готовятся люди, которые верят в цели, задачи и методы партии»; на второй происходит «активное взаимодействие с умой»; третья стадия начинается после установления исламского государства и включает, среди прочего, «миссию донесения ислама до остального мира». При этом партия не устанавливает сроков воссоздания халифата, рассчитывая в этом вопросе только на «помощь Аллаха».

Следует отметить, что между ИДУ и «Хизб ут-Тахрир» имеются внутренние противоречия. Так, в свое время, раскритиковав «Хизб ут-Тахрир» за ее пассивную позицию в отношении джихада, Т.Юлдашев заявлял, что эта организация создана Западом для того, чтобы разложить исламское движение изнутри, лишить мусульман мотивов для борьбы против неверных, отговорить их от «истинного джихада».

В настоящее время деятельность обоих радикальных движений в государствах региона объявлена вне закона и внесены в список официально запрещенных религиозно-экстремистских и террористических организаций.

Лидеры и активисты первых исламистских организаций опирались на традицию неформального ислама. Почти все они были учениками подпольно действовавших еще в советское время учителей, имамов и исламских ученых Центральной Азии – *Мухаммаджана Рустамова* (1892–1989), крупнейшего ханафитского теолога Ферганской долины и Таджикистана, больше известного среди верующих по имени Домулла Хиндустани¹, *Рахматуллы-кари Андижони* (1950-1981) и других.

Стоявшая у истоков ИДУ группа мусульманской молодежи, вдохновляемая трудами таких идеологов исламского радикализма, как пакистанец *Абу-л-Ала Маудуди* и египтянин *Сейид Кутб*, проповедями местных радикальных имамов, первоначально сплотилась вокруг концепции *Мусульманабада*, автором которой был *Рахматулла-кори Андижони*. Эти принципы сводились к следующему:

1. Центральная Азия принадлежит исламскому миру и является единой территорией, на которой господствует ислам;
2. Отношения между индивидами определяются шариатом;
3. Все люди на этой территории верят в Аллаха и ими правят образованные улемы.

¹ Он получил традиционное образование в родном Коканде и затем в Бухаре и Индии, отсюда его вторая нисба – *Хиндустани*.

По замыслу Рахматуллы-кари, *Мусульманабад* означал объединение различных независимых государств, расположенных рядом друг с другом. Идея *Мусульманабада* обнаруживала некоторые черты сходства с концепцией халифата ХТИ, однако она была гораздо более аморфна и не могла претендовать на то, чтобы стать самостоятельной политической концепцией. «Скорее она явилась, – как замечает известный российский исследователь современного ислама В.В. Наумкин, – неким общим ориентиром для последователей политического ислама в Центральной Азии»¹.

Как мы видим, основным организатором и главным распространителем исламизации и терроризма в Центральной Азии, как и в других странах, является радикальный ислам. Именно радикальный ислам стал мощным средством зарубежной политической экспансии в Центральноазиатском регионе, выступая на мусульманской сцене в роли динамичной политической и социальной силы, во все большей мере определяя повестку дня в исламском мире.

Если исключить сильный социальный взрыв в государствах Центральной Азии под воздействием внешнего давления (по примеру т.н. «арабской весны»), то у радикальных исламистов мало шансов захватить власть путем террора. В особенности если государства региона смогут проводить решительные и жесткие ответные меры. Однако в условиях смены власти после ухода с политической арены двух лидеров соперничающих между собой крупнейших государств региона – президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева и Республики Узбекистан И.А.Каримова, а также вывода антиталибской коалиции (*ISAF*) из Афганистана в 2014г. ситуация может резко измениться.

¹ Наумкин В.В., Радикализация ислама в Центральной Азии
[//http://www.central-eurasia.com/index/articles/?uid=119](http://www.central-eurasia.com/index/articles/?uid=119).

Но несомненный факт, что, затягивая власти в омут насилия и ответа на него насилием, радикальный ислам подрывает политическую либерализацию этих стран, задерживает их модернизацию, проведению там демократических и рыночных реформ.

В качестве примера можно привести такую крупную страну Большой Центральной Азии, как Пакистан, где власти, начав стимулирование в конце 80-х-начале 90-х гг. прошлого и начале нынешнего века различных исламских радикальных группировок, в итоге оказались в состоянии краха. Сначала власти пытались использовать радикальные исламские группировки для дестабилизации оспариваемого у Индии штата Джамму и Кашмир, где пакистанские боевики регулярно устраивали теракты. Затем для поддержания антисоветского джихада в Афганистане. В итоге пакистанские власти сами создали на своей территории целую россыпь радикальных исламистских организаций, а впоследствии уже не могли их контролировать.

Сочетание весьма сложной социально-экономической ситуации в стране с отсутствием сильной центральной власти и наличием мощных исламистских группировок на местах привело к созданию в Пакистане параллельной структуры власти и даже к полной замене гражданского права шариатом в ряде областей страны. И через какое-то время местные исламисты решили, что гораздо легче и безопаснее устраивать джихад не за границей, а на родине. Причем объектами джихада стали как собственно взрастившие их центральные власти (исламисты обвиняли их в продажности и в союзе с врагами ислама), так и сограждане-мусульмане, прежде всего шииты, которые составляют до 20% населения страны.

По данным правозащитников, только в 2012г. в Пакистане 425 человек было убито по религиозным причинам, 320 из них – шииты. Для обеспечения безопасности шиитского населения руководство

страны вынуждено идти на беспрецедентные меры. Например, чтобы предотвратить возможные нападения на шиитов во время их ежегодного оплакивания мученической смерти внука пророка Хусейна, власти были вынуждены запретить в целом ряде районов использование мотоциклов (террористы любят начинять их бомбами), а также заглушить сигналы сотовой связи более чем в 50 городах страны. При этом в отношении радикальных исламистов никаких существенных мер не принимается, более того, власть периодически идет им на уступки, пытаясь взамен выторговать неприкосновенность и хоть какую-то стабильность. Так, в июле 2011г. пакистанский суд «за недостатком доказательств» отпустил основателя религиозно-террористической организации «Лашкар э-Джангви» (1996) Малика Ишхака, ответственного за гибель десятков людей.

Следует отметить, что «Лашкар-э-Джангви» была запрещена указом президента Первеза Мушаррафа еще летом 2001г. после волны террористических вылазок на почве религиозной нетерпимости. Организация известна своими связями с руководством «Аль-Каиды», а боевики «Лашкар-э-Джангви» проходили подготовку в Афганистане.

По сообщению министра внутренних дел Пакистана Рехмана Малика, «Лашкар-э-Джангви» ответственна за 80% совершенных в последнее время в стране террористических актов. Так, «Лашкар-э-Джангви» взяла на себя ответственность за два взрыва в столице провинции Белуджистан городе Кветта, которые в январе и феврале 2013г. унесли жизни около 200 человек, по большей части шиитов-хазарейцев¹.

Таким образом, неспособность пакистанских властей навести в стране порядок, выстроить нормальную экономику и обуздать исламистов приводит и к усилению этнического сепаратизма, и от тотального развала Пакистана спасает лишь помощь Китая и Запада, не желающих, чтобы ядерное оружие страны во время смуты попало не в те руки.

¹ <http://news.mail.ru/incident/12214869/>. Дата доступа: 19.04.2013.

Следует упомянуть еще о двух радикальных исламских организациях, чья деятельность стала особенно заметна в государствах Центральной Азии начиная с середины 2000-х гг. – «Салафия» и «Таблиги Джамаат» (Джамоати Таблиг).

Салафия (араб. سلف – «предки, предшественники») – направление в исламе, объединяющее мусульманских религиозных деятелей, которые в разные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков (ас-салаф ас-салихун; араб. الصالحون السلف), квалифицируя как бид'а все позднейшие нововведения в указанных сферах, начиная с методов символично-аллегорической трактовки Корана и кончая всевозможными новшествами, привнесёнными в мусульманский мир его контактами с Западом.

Салафия означает *«понимание религии в том виде, в котором её понимал пророк и его сподвижники»*. К салафитам причисляются, в частности, идеологи ваххабизма – Ибн Ханбал, Ибн Таймийа, а также идеологии ассоциации *«ал-Ихван ал-муслимун»* («Братья мусульмане»).

В западной литературе для характеристики идеологии салафитов используются термины «традиционализм», «фундаментализм», «возрожденчество». Салафиты говорят о запретности паломничества к могилам святых, которое они рассматривали как поклонение мертвым, считают нежелательным и порицаемым отмечать день рождения пророка Мухаммеда. Любое политическое разделение исламской нации или гражданская война рассматриваются ими как раскольничество, нарушение исламского единства.

В Центральной Азии число сторонников салафия начала расти с начала 2000-х гг. нынешнего века. Особо широкую популярность это течение приобрело в 2005-2008гг., когда в ряде государств региона стали открываться мечети, где молитвы читались по салафитским методам.

«Таблиги Джамаат» было основано в 1927г. в местности Меват, неподалеку от Дели, выдающимся богословом деобандийского¹ направления ислама Моуланой Мухаммадом Ильясом Кандехлеви (1885–1944). Сегодня это пакистанская организация имеет отделения в нескольких десятках стран мира, в том числе в государствах Центральной Азии.

Тот факт, что Канделахи был одним из идеологов школы деобанди, имеет решающее значение для понимания исходной доктрины «Таблиги Джамаат» и ее последующего развития. С самого начала фи-

¹ Деобанди (урду: *دعوتِ ہندی*; хинди: *देवबन्दी*) - движение в суннитском исламе в рамках ханафитской правовой школы. Сосредоточено в основном в Индии, Пакистане, Афганистана и Бангладеш. В последнее время получило распространение в Великобритании и Южной Африке. Первоначально деобандийский центр возник как один из центров, созданных последователями Валиулла-Шаха (1703-1762) – теолога-обновителя, принадлежавшего к суфийскому ордену накшбандийа, а в дальнейшем воспринявшего в существенной степени ваххабитский подход к религии (прежде всего очищение мусульманской веры от нововведений). Формирование и развитие деобандской традиционалистской школы началось с основания в 1866г. в деревне Деобанд в северной Индии небольшого медресе. К концу XIX века новый религиозный центр уже насчитывал более двадцати медресе, расположенных на территории Британской Индии, включая территорию современного Пакистана.

Поскольку значительная часть преподавателей Деобанда принадлежала к последователям суфизма, то этим принято объяснять тот значимый факт, что деобандийцы, несмотря на свою позицию «очистительства», считали культ «святых» неотъемлемой принадлежностью подлинно исламского общества. И это долгое время служило причиной их конфликтов с «истовыми» ваххабитами. Точнее всего будет сказать, что деобанди создал выверенное сочетание фундаменталистской требовательности к чистоте ислама с верностью духовности шейхов. Деобанди стремится очистить ислам от серьезного влияния южноазиатских религиозных практик. Таким образом, деобанди – это пример исламского «очистительства», близкого по сути своей к «очистительству», пропагандируемому ваххабитами. Однако это «очистительство» не только не антагонистично суфиям, но и имеет явно выраженный суфийский генезис. Свою двойную духовную идентичность деобанди передает по наследству своим воспитанникам – движению «Талибан». Это происходит, несмотря на тесные связи «Талибана» с саудовскими ваххабитами. Рассматривая подобные факты, можно говорить не просто о влиянии деобанди на движение «Талибан», но и об отношениях деобанди с «Талибаном» как учителя с учеником.

Добавим, что привнесенные в мировоззрение талибов ваххабитские взгляды также находились под пристальным вниманием деобандистских учителей. Одним из таких учителей является воспитанник школы деобанди Абу-л-Ала Маудуди, которого считают реформатором центральноазиатского ислама на основе соединения деобанди и ваххабизма. И именно концепция «теодемократии» Маудуди была положена в основу движения «Талибан».

лософия Таблиг отличалась радикализмом, а именно нетерпимостью к любым другим формам вероисповедания, включая шиитскую ветвь ислама и его синкретические толкования, толкованием любых форм прогресса как несовместимых с исламом, исключением женщин из общественной жизни, а также фанатичным прозелитизмом, основанным на убеждении, что ислам должен вытеснить все другие религии.

Двумя наиболее существенными особенностями в деятельности организации в 60-90-гг. XX века стало превращение «Таблиги Джамаат» в международное движение, а также сосредоточение усилий на обращении в ислам немусульман. К концу 1960-х годов организация действовало в большинстве стран Западной Европы и Северной Америки, во всей Азии и даже в странах, где практически не было мусульман – например, в Японии. Быстрое распространение деятельности движения в традиционно немусульманские регионы совпало в 1970-х с установлением в высшей степени взаимодополняющих отношений с ваххабитским течением в Саудовской Аравии и представителями деобандизма в Южной Азии, двумя наиболее воинственными направлениями радикального ислама.

Практическим результатом этого сотрудничества, продолжающегося до сегодняшнего дня, является широкая финансовая поддержка деятельности деобандийских организаций и «Таблиги Джамаат» за счет саудовских средств. Начало этому было положено в 1962г. после учреждения Всемирной мусульманской лиги; процесс получил дополнительное развитие после решения саудовских ваххабитов активизировать свою экспансию за рубежом в 1970-х. Здесь интересно отметить, что ваххабиты, обычно крайне критичные и нетерпимые в отношении практически всех остальных мусульманских школ, не выражают почти никакого негативного отношения к «Таблиги Джамаат»; только иногда они сожалеют по поводу недостаточно глубокого знания ислама (в вах-

хабитском смысле) членами этого движения. Так, влиятельнейший ваххабитский лидер последних двух десятилетий Шейх Абд аль Азиз ибн Баз признал заслуги «Таблиги Джамаат» и рекомендовал своим братьям совместно участвовать в проповедническом движении с тем, чтобы «направлять и советовать». Главная цель данных организаций – привести к «истинному» исламу всех «заблудших» мусульман, а в идеале – исламизировать всю планету. Причем лидеры «Салафия» подозреваются в связях с террористической сетью «Аль-Каида».

По ряду данных, в постсоветских странах Центральной Азии проповедники «Таблиги Джамаат» впервые появились именно в Ферганской долине. И до сих пор Ферганская долина остается зоной их наибольшей активности в регионе. Кроме того, с особым вниманием проповедники миссии относятся к присутствию в Оше, в юго-восточной части Ферганской долины на территории Киргизии. Проповедники «Таблиги Джамаат» уделяют повышенное внимание не столько увеличению количества мусульманских новообращенных, сколько возвращению к правильному исполнению исламской обрядности так называемых «номинальных мусульман» или даже «отпавших». То есть людей, причисляющих себя к мусульманству, но недостаточно жестко, по мнению «Таблиги Джамаат», следующих нормам поведения этой религии. И хотя «Таблиги Джамаат» действует во многих странах мира, очевидно, что страны Центральной Азии представляют для этой организации огромное и первоочередное поле деятельности.

Деятельность этих радикальных организации вызывает сегодня сильную обеспокоенность у властей государств региона. Так, в январе 2010г. семь лидеров «Салафия» были осуждены Верховным судом Таджикистана, а лидер таджикских салафитов Эшони Сироджидин получил максимальный срок в виде девяти лет лишения свободы¹. Деятель-

¹ Шустов А., Исламизация Таджикистана. Влияние «Джамоати Таблиг»
// <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1283143620>.

ность «Таблиги Джамаат» в Таджикистане запрещена Верховным судом в 2006г. В 2009г. Совет безопасности Кыргызской Республики рекомендовал Верховному суду республики рассмотреть вопрос о запрете на территории страны этой религиозной организации. В Совбезе считают, что данная организация опасна и несет угрозу национальной безопасности. По мнению директора государственного агентства по делам религий Каныбека Осмоналиева, «Таблиги Джамаат» «выступают в качестве оппозиции официальному духовенству»¹. В феврале 2013г. вынесено решение о запрещении деятельности международной организации «Таблиги Джамаат» и на территории Республики Казахстан².

Учитывая реалии сегодняшнего Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, входящих сегодня в список бедных стран мира³ дальнейшая исламизация Центральной Азии станет главным козырем в дальнейшем доминировании в жизни стран региона религиозной составляющей.

Несмотря на то, что сегодня конфессиональное пространство стран Центральной Азии разнообразно (к примеру, в Казахстане к началу 2013г. официально осуществляют свою деятельность 17 конфессий, в Кыргызстане более 30, в Узбекистане более 15), ислам по-прежнему остается главным фактором конфессионально-культурной и культурно-цивилизационной идентификации государств региона.

При этом роль ислама как фактора этнокультурной самоидентификации аксиоматична, как и аксиоматична роль ислама в качестве одного из регуляторов общественных отношений народов Централь-

¹ Долинская Т., Киргизия готова вернуть смертную казнь. И рубить головы публично // <http://pravda.kg/index.php?newsid=1793>.

² <http://kt.kz/?lang=rus&uin=1133168020&chapter=1153569243> Дата доступа: 26.02.2013.

³ Согласно Докладу ООН о развитии человека, в 2011г. только Казахстан оказался в списке стран с высоким уровнем развития – 68 место, в то время как Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан входят в список стран, со средним уровнем развития человеческого потенциала занимая соответственно – 115, 126 и 127 места. Богатый газом Туркменистан занял в этом списке – 102 место // См.: Human Development Report 2011: Sustainability and Equity: A better future for all / <http://hdr.undp.org/en/statistics/>.

ной Азии. Ислам выполнял эту функцию в регионе и при советском коммунистическом режиме, так как без этого мусульманское общество утратило бы свои фундаментальные генетические характеристики.

Оставаясь одним из регуляторов общественных отношений, ислам неизбежно становится фактором политической жизни. Многие эксперты считают это противоестественным, исходя из исторического опыта христианства, секуляризованных обществ Запада. Стремление видеть в исламе сугубо религиозную, культовую сторону характерно и для части мусульманского духовенства, которая находится под патронажем властей (как, например, в Казахстане и Узбекистане) и опасается, что в случае политизации ислама она может утратить свое влияние. Тем не менее соединение религии с политикой, на наш взгляд, является имманентной чертой исламской цивилизации. Это обусловлено тем, что в исламе нет свойственного христианству деления на духовное и мирское, он представляет собой «тотальную» религию, в том смысле, что распространяется на все стороны общественного бытия, внося в него свои регламентирующие установки.

Одной из социальных причин политизации ислама в странах Центральноазиатского региона является общий системный кризис, трудности экономического переустройства общества, а также понижение социального статуса целых общественных слоев, что приводит к устойчивой разочарованности людей. В этих условиях представители наиболее уязвленных социальных страт приходят к выводу, что единственным выходом из создавшейся ситуации является возврат к аутентичным этноконфессиональным ценностям, которые были утрачены в советский период. Речь идет о поиске *«исламской альтернативы»*, которая, хотя и представляется утопией, тем не менее, становится все более востребованной среди самых разных социальных слоев общества.

Как бы там ни было, несмотря на свою ограниченность, исламский фактор в государствах Центральной Азии является некой социальной и политической данностью, отрицать которую сегодня невозможно. В разных государствах значение его различно. Ислам оказывает постоянное влияние на происходящие там социально-политические процессы. Он формирует ценностные представления людей, регулирует отношения между ними. Ислам, безусловно, является орудием политики, и в этом своем качестве его роль будет возрастать, что может привести к обострению борьбы между различными партиями и группировками – в первую очередь, между властью и оппозицией.

Очевидно, что наиболее оптимальным вариантом решения этой дихотомии, как отмечает известный российский исламовед А.Малашенко, является компромисс между чисто светским и исламским направлениями, без которого над центральноазиатскими обществами будет висеть угроза обострения социальных, межэтнических и конфессиональных конфликтов.

Если импульс исламизации в *Узбекистане*, вызванный либерализацией духовной жизни в конце 80-х, к середине 90-х гг. уже фактически сошел на нет, то в *Казахстане*, *Кыргызстане* и *Таджикистане* продолжают действовать внешние факторы, заинтересованные в усилении в республиках позиций неортодоксального и политизированного ислама с целью дестабилизации обстановки в республиках и усиления в них своего влияния. Эти силы способны оказывать как непосредственное, так и косвенное влияние на социально-политическую обстановку.

Учитывая продолжающийся процесс поиска духовных ориентиров большей частью населения региона, следует отметить, что в Центральной Азии влияние различных религиозных групп как традиционных, так и новых нетрадиционных течений ислама будет только расти. Влияние религии будет постепенно охватывать все стороны общест-

венной жизни от политики и культуры до бизнеса (что собственно сейчас и происходит).

Поэтому активизацию тенденций исламизации, усиление проявлений терроризма и религиозного экстремизма в Центральной Азии и Казахстане следует воспринимать в качестве реакции религиозных институтов на процессы вестернизации, модернизации и секуляризации общества. И рассматривать их мы должны в контексте глобального усиления исламского фактора и во многом способствующей ему глобализации, а также появления новой волны религиозности как формы и способа защиты от негативных последствий этого процесса.

Подводя итог философско-политологическому анализу исламизации государств Центральной Азии, мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, для процесса исламизации в государствах Центральной Азии сложились благоприятные условия.

Во-вторых, ислам и общество, взаимодействуя, оказывают друг на друга существенное влияние.

В-третьих, модернизация ислама происходит под влиянием многих факторов – ее направленность, содержание, ход, темпы зависят от тех процессов, которые имеют место в обществах государств региона.

В-четвертых, ислам на пути своего распространения встречает разные препятствия, трудности (прежде всего, идет идеологическая борьба между различными формами религиозного сознания, религиозных конфессий, а также с народными обычаями и традициями).

В-пятых, процесс исламизации населения, особенно молодежи, в обозримом будущем также будет происходить быстрыми темпами. Ислам в республиках Центральной Азии на глазах меняется и приобретает иные качества, и власти республики должны быть готовыми к этим переменам и вести себя адекватно.

Как видим, в массовом сознании вопрос религиозного выбора остается одним из самых дискутируемых. Современные печатные и виртуальные СМИ изобилуют материалами по этой тематике. Более того, отсутствие внятного со стороны государств и правящих партий ответа на вопросы об отношении к религиозным концептам развития государства и поискам национальной духовной идентичности и ориентиров все более усугубляют ситуацию, заставляя религиозных адептов искать возможности для не институциональной, «теневой» поддержки собственных проектов среди широких слоев, как верующего, так и неопределившегося населения.

Таким образом, несмотря на то, что власти прилагают усилия, чтобы не допустить распространения исламских настроений в обществе и на существующие деструктивные силы, ислам становится все более значимым фактором общественно-политической жизни Центральной Азии. Последствия исламизации, несомненно, могут сказаться не только на политических режимах в государствах Центральной Азии, но и на их отношениях с другими государствами *Большой Центральной Азии* (Ирана, Афганистана, Пакистана).

Апрель, 2013г.

Источники и литература

1. Социальные и гуманитарные науки. Серия 9. РЖ. Востоковедение и африканистика. – М.: ИНИОН РАН, 2002, №2.

**ISLAMIZATION OF CENTRAL ASIA:
TRENDS AND PROSPECTS
(philosophical and political analysis)**

Erkin Baydarov

Resume

The article features philosophical and political analysis of Islamization of Central Asia, where in intensive search for a national identity and spiritual rebirth the religious and philosophical heritage that is directly related to the spiritual and intellectual tradition is reconsidered. It is largely due to the growth of non-traditional religious ideological programs in Central Asia, which are increasingly being squeezed to the periphery of the traditional system of values that are typical of the indigenous peoples of the region. Current trends, unfortunately, lead to the growth of radical religious networks, which mainly come to the Central Asian region from outside.

Despite the fact that the authorities are making efforts to prevent the spread of Islam in the society, is becoming an increasingly important factor in the political life of Central Asia.